

Подарок для читателей журнала

ИЗ ДНЕВНИКА АМИЕЛЯ*

Предисловие и редакция Л.Н. Толстого

Перевод с французского М.Л. Толстой

(Продолжение. Начало см. № 3'2014, 4'2014, 1'2015,
2'2015, 3'2015, 1'2016)

Существо мыслящее
может поставить
себя на все точки
зрения

1-го февраля 1876 г. Сегодня вечером мы беседовали о бесконечно-большом и бесконечно-малом. Бесконечно-большое кажется госпоже Х... более ясным, чем бесконечно малое, потому что бесконечно-большое есть число, слагающееся из самого себя, тогда как она не умеет анализировать то, что должно быть измеряемо другим способом.

Существо мыслящее может поставить себя на все точки зрения и заставить жить свою душу всеми способами, но надо признаться, что очень мало людей пользуются этой возможностью. Люди вообще как бы заключены в тюрьме, привинчены к своим обстоятельствам, почти как животные. Они не подозревают этого совсем, потому что они не судят себя. Поставить себя вне всех своих состояний и смотреть внутрь своей жизни и своего существа есть дело критика и философа.

Пускай воображение
боится призраков

Пускай воображение боится призраков, которые оно само себе творит, – это простительно ему потому, что оно воображение. Но чтобы ум подчинился или боялся тех категорий, которые он порождает, – непростительно ему, потому что он, как сила критическая, не может быть обманут.

Сотворенное не
может быть больше
творца

А между тем суеверия величины есть обман ума, творящего понятие пространства. Сотворенное же не может быть больше творца, сын не больше отца. Тут необходима поправка. Ум должен освободиться от пространства, дающего ему ложное понятие о нем самом. Но освобождение это возможно только тогда, когда мы

* *Амиель Генри (Henri Amiel)*. Из дневника Амиеля. – СПб.: Типография В. Демакова, 1894. – 107 с. [Для интеллигентных читателей. Издание «Посредника». Допущено цензурой. С.-Петербург, 2 сентября 1894 года].

научимся видеть пространство в уме, вместо того, чтобы видеть ум в пространстве. Как же так? Возвратив пространство к его основному свойству. Пространство есть рассеяние, ум – сосредоточение.

Бог везде

Поэтому Бог везде – ни занимая миллиардов кубических верст, ни в сто раз меньше, ни в сто раз больше.

В мысли мир занимает точку, но в состоянии рассеяния и анализа для этой мысли нужны небеса в небесах.

Время, число также в разуме, поэтому человек, возвратившись к сосредоточению разума, не меньше, а больше их.

«После стольких несчастий что же тебе остается? – Я сам»

12 июля 1876 г. Горе за горем. Припадок кашля; ни хорошая погода, ни прекращение работы не улучшают состояние моего здоровья. Разрушение ускоряется. Разрушение преждевременное, тяжелое испытание? «После стольких несчастий что же тебе остается? – Я сам».

Это Я и есть центральное сознание, ствол всех срезанных ветвей, основа, на которой совершались все урезывания. Скоро ничего больше не останется кроме этого, кроме голой мысли. Смерть приводит нас к математической точке; разрушение, предшествующее ей концентрическими кругами, все более и более тесными, приводит нас к этому последнему неразрушимому убежищу. Я предвкушаю этот ноль, в котором уничтожаются все формы.

Я вижу, каким образом совершается возвращение в мрак...

Я вижу, каким образом совершается возвращение в мрак и обратно – вижу, как выходят из него. Жизнь есть только метеор, путь которого виден мне. Рождение, жизнь, смерть получают новый смысл при каждом фазисе нашего существования. Видеть себя как летящую ракету, присутствовать при убегающем феномене своей жизни – вот практическая психология. Я предпочитаю созерцать мир, который представляет фейерверк более обширный и богатый; но когда болезнь суживает мой горизонт и приводит меня к моему ничтожеству, мое ничтожество представляет все-таки зрелище для моей любознательности. Интересует меня во мне, несмотря на мое отвращение, то, что я нахожу в себе подлинный экземпляр человеческой природы, следовательно, образчик общей ценности. По образчику я понимаю бесчисленное количество подобных же положений и моих ближних...

История разума и сознания есть сущность существования

Если история разума и сознания есть сердцевина и сущность существования, то быть пригнанным к психологии, даже личной, не значит выходить из вопроса. Напротив, в этом положении находишься в самой середине вопроса, в центре всемирной драмы.

Простое чувство:
чувство присутствия
Бога и смерти в Боге

Мысль эта утешительна. Все может быть у нас отнято; но если нам остается мысль, то мы держимся еще за ось мира магической нитью. Но мы можем потерять мысль и слово. Остается тогда только простое чувство; чувство присутствия Бога и смерти в Боге; это есть последний остаток преимущества человека; преимущество участия во всем, в общении с абсолютным.

Твоя жизнь есть молния, которая исчезает в своей туче.

Но молния спасла тебя, если она показала тебе небо.

Дневник допускает повторения, следует за капризами и извилинами внутренней жизни

26 июля 1876 г. Дневник располагает к лени, он избавляет от необходимости рассматривать предметы со всех сторон, он допускает повторения, следует за всеми капризами и извилинами внутренней жизни и не ставит себе никакой цели. Этот дневник содержит в себе материал для многих томов. Какая страшная трата времени, мысли и сил. Он не будет ни для кого полезен, даже для меня он послужит скорее тому, чтобы увернуться от жизни, чем войти в нее. Дневник заменяет поверенного, то есть друга и жену; он заменяет деятельность, он заменяет отечество и общество. Это есть забвение страдания, отводящее средство, увертка. Но этот фактотум, который заменяет все, сам по себе ничего не представляет.

История души – это есть наслаивание её успехов и ход её судьбы

Что же составляет историю души? Это есть наслаивание ее успехов, список ее приобретений и ход ее судьбы. Чтобы твоя история просветила кого-нибудь и заинтересовала тебя самого, нужно, чтобы она высвободилась из своего материала, упростилась и очистилась. Эти тысячи страниц суть только куча листьев и кора дерева, из которой еще нужно извлечь ее сущность. Целый лес хинных деревьев не стоит бочки хинина. Целый сад розовых кустов в Смирне сгущается в один флакон розовых духов. Эта двадцатидевятилетняя болтовня резюмируется, быть может, в ничто, каждый ведь интересуется только своим романом и своей личной жизнью. Ты, может быть, и сам никогда не удосужишься перечитать его.

Жизнь состоит в повторении человеческого типа и той же человеческой ригурнели

Итак... итак что ж? Ты прожил, а жизнь ведь состоит в повторении человеческого типа и все той же человеческой ригурнели*, – как это делали, делают и будут

* *Ригурнель* (фр. ritournelle – возвращение) – муз. инструментальный эпизод.

делать во веки веков легионы тебе подобных. Сознать эту ритурунель и этот тип – уже что-нибудь да значит, и мы не можем сделать ничего большего. Реализация типа лучше удастся и ритурунель более радостна, если обстоятельства благоприятны и милостивы, но сделают ли марионетки так или иначе... *Trois petits tours et puis s'en vont*. Три раза повернутся и потом уходят*.

Бороться с судьбой, отбиваться от нее – это ребячество

Все это падает в ту же бездну и все почти одинаково. Бороться с судьбой, отбиваться от нее, чтобы спастись от неизбежного исхода, – это почти ребячество. Столетняя жизнь и жизнь эфемериды суть величины очевидно эквивалентные, – геология или астрономия позволяют нам рассматривать эти жизни с этой точки зрения, – что значат наши незаметные треволнения, наши усилия, наши злобы, наше честолюбие, наши надежды? Смешно поднимать мнимые бури ради сна во сне. Что значат для нас те сорок миллионов инфузорий, которые занимают полувершковый куб мела? Что значат для селенита те сорок миллионов людей, которые составляют Францию? Быть сознательной монадой, быть ничем, но признавать себя микроскопическим приведением мира – вот все то, чем мы можем быть.

19 сентября 1876 г. Дудану** не доставало только дозы материальности, грубости и необходимого честолюбия, чтобы занять блестящее положение; но оцененный в лучшем обществе Парижа, он не искал ничего другого. Он напоминает мне Жюберта.

Ум состоит в удовлетворении ума другого

20 сентября 1876 г. Ум состоит в удовлетворении ума другого, доставляя ему зараз два наслаждения: именно понять вещь и угадать по ней о другой, так сказать, убить двух зайцев зараз. Таким образом Дудан никогда почти не высказывает прямо свою мысль, он скрывает ее и осторожно вводит ее в сознание читателя намеком, образом, гиперболой, легкой иронией, притворным гневом, разыгрываемым смирением, любезной хитростью.

Чем более различается та вещь, которую надо угадать, тем более приятного изумления для собеседника

Чем более различается та вещь, которую надо угадать, от той, которая сказана, тем более приятного изумления для собеседника или корреспондента. Эта тонкая и прелестная манера выражаться дает возможность поучать без педантизма и быть смелым, не оскорбляя. В этой манере есть что-то воздушное и аттическое, серьезное с шуточ-

* Французская колыбельная песенка.

** Французский писатель, умерший при жизни Амиеля.

ным, фикция с истиной, и все это – с легкой грацией, от которой не отказались бы Лафонтен и Алкивиад.

Существа реальные
суть живые
противоречия

15 ноября 1876 г. Вот еще новые приложения закона иронии. Каждая эпоха имеет два противоречивых стремления, которые логически отталкивают друг друга, фактически же соединяются. Таким образом в прошлом веке философский материализм был сторонником свободы. Теперь же дарвинисты стоят за равенство, тогда как дарвинизм доказывает право сильного. Бессмысленное есть характер жизни; существа реальные суть живые противоречия, одушевленные и движущиеся патологизмы. Согласие с самим собой было бы примирением, отдыхом и может быть неподвижностью.

Жизнь есть вечная
битва

Почти все люди признают деятельность и прилагают ее только в виде войны, внутренней войны за существование, внешней и кровавой войны наций, наконец, войны с самим собой. Итак, жизнь есть вечная битва, которая хочет того, чего она не хочет, и не хочет того, чего она хочет. Отсюда то, что я называю законом иронии, то есть бессознательный обман; опровержение себя самим собой, конкретное осуществление абсурда. Неужели это необходимо? Я не думаю. Борьба есть карикатура гармонии. Гармония же, которая состоит в соединении противоположностей, может быть тоже началом движения.

Война есть грубое
и жестокое
умиротворение

Война есть грубое и жестокое умиротворение, подавление противодействия через истребление или рабство побежденных. Взаимное уважение было бы лучше. Борьба происходит от эгоизма, признающего своим пределом только постороннюю силу. Законы животности преобладают почти во всей истории. Человеческая история преимущественно зоологична; она очеловечивается только поздно и то только в лучших душах, преданных справедливости, доброте, энтузиазму и самоотвержению. Ангел только редко и с трудом пробивается сквозь животное.

Христианские нации
исповедуют
небесную
буржуазию, культ
вечных благ

Христианские нации обнаруживают вполне закон иронии. Они исповедуют небесную буржуазию, исключительный культ вечных благ, и никогда алчное преследование тленных благ, привязанность к земле, жажда приобретения не были более сильны, чем у этих наций. Их официальный девиз прямо противоположен их положительным стремлениям. Под чужим знаменем, под ложным флагом они производят контрабанду с

Плутовство столь
обычно, что оно
незаметно самому
преступнику

шутовской беспечностью совести. Есть ли это лицемерный обман? Нет, это есть приложение закона иронии.

Плутовство столь обычно, что оно становится незаметным самому преступнику. Все нации противоречат себе каждую минуту, и ни одна не чувствует, насколько она смешна. Нужно быть японцем, чтобы заметить шутовские противоречия христианской цивилизации. Нужно быть селенитом, чтобы понять вполне глупость человека и его постоянную иллюзию. Философ также подпадает под закон иронии, потому что после того, как он мысленно освободился от всех предрассудков, то есть вполне обезличился, ему нужно снова входить в свое рубище, в свою гусеницу, есть и пить, испытывать голод, жажду и холод, и поступать как все другие смертные, после того, как он на мгновение поступит как никто. Здесь-то и ожидают его комические поэты; животные потребности мстят за эту экскурсию в эмпирию и с насмешкой кричат ему: Ты грязь, ты ничтожество, ты человек!

Люди гениальные
поставляют сущность
истории

4 декабря 1876 г. Люди гениальные поставляют сущность истории, тогда как толпа есть только критический фильтр, ограничение, замедление, необходимое, но пассивное отрицание идей, приносимых гением. Глупость динамически есть необходимый противовес ума. Нужно много, нужно три четверти азота, примешанного к кислороду, чтобы сделать воздух годным для дыхания, жизненным; чтобы создать историю, нужно иметь много силы для того, чтобы победить сопротивление и увлечь за собой массы.

И вот я опять совсем
несчастен нынче
утром...

5 января 1877 г. И вот я опять совсем несчастен нынче утром, полузадушенный своим бронхитом, стесненный в ходьбе, с ослабленным мозгом – то, чего я боюсь больше всего, потому что размышлением я защищаю себя против других неприятностей. Быстрое убывание сил, незаметная порча высших органов, разрушение мозга; какое испытание, и никто не подозревает его. Некоторые жалеют вас за то, что вы наружно стареете, но это ничего. Ровно ничего, если чувствуешь свои способности сохранившимися.

Мое увечье умаляет
меня

Это благодеяние даровано было стольким людям умственной деятельности, что и я немного надеялся. Увы! Неужели и этим надо пожертвовать? Жертва легка, если верить, что она возложена или скорее отечески

потребована Богом, особенным Его промыслом. Но у меня нет этой религиозной радости. Это мое увечье умаляет меня, не принося никому пользы. Мне остается только один мотив: мужественная покорность перед неизбежным и пример для других; чистая стоическая мораль.

Мы сознаем целое и неизменное, потом исчезаем, мы – индивидуальные атомы

Это нравственное воспитание отдельной души пропадет ли? Когда наша планета окончит цикл своего назначения, кому и на что в небе это послужит на пользу? Прозвучат одной своей нотой в симфонии творения. Мы сознаем целое и неизменное, потом исчезаем, мы – индивидуальные атомы, ясновидящие монады. Разве этого мало? Да мало, потому что если нет прогресса, приращения, улучшения, есть только химическая игра и эквивалентность сочетаний. Брама создал и поглощает. Если мы – лаборатория духа, то по крайней мере пусть дух увеличивается нашими силами. Если мы осуществляем высшую волю, то пусть Бог радуется этому. Если доверчивая покорность души более радует его, чем величие мысли, будем входить в его план, в его намерение. Это-то и значит жить для славы Бога, выражаясь теологическим языком. Религия состоит в сыновнем принятии божеской воли, какова бы она ни была, лишь бы только отчетливо понимать ее. А разве можно сомневаться в том, что убывание, болезнь и смерть находятся в программе нашего существования?

То, что неизбежно, есть судьба

То, что неизбежно, есть судьба. А судьба не есть ли безымянное указание Того, которого религии называют Богом? Спускаться без ропота по реке своей судьбы, переживать без возмущения посвящение в тайну последовательных отречений, беспредельных умалений, беспредельных до 0 (нуля) – вот что нужно. Свитие также естественно, как и развитие. Входишь также постепенно в мрак, как постепенно выходил из него. Игра сил и органов, грандиозный механизм жизни часть за частью скрываются в коробке. Начинаешь инстинктом, нужно уметь кончить ясновидением, нужно видеть себя разрушающимся и умирающим.

То, что реже всего встречается, это верность ума

6 февраля 1877 г. То, что реже всего встречается, это верность ума, метод, критика, соразмерность, постепенность... Общее состояние мыслей есть путаница, бессвязность, самоуверенность, и общее состояние сердец есть страстность, невозможность быть справедливым, бесстрастным, уступчивым, открытым; воля всегда впереди ума; желания впереди воли; и случай рождает желание; так, что люди выражают только случайные мнения,

которые не стоят того, чтобы их принимать серьезно, и которые не могут оправдать себя ничем иным, как детским рассуждением: я емь, потому что я емь. Искусство познавать истину редко прикладывается к делу, да оно даже и неизвестно, потому что нет личного смирения и даже нет любви к истине. Мы хотим познаний, которые вооружили бы наши руки или язык, которые служили бы нашему тщеславию или нашей потребности власти, но критика самих себя, своих предрассудков, своих склонностей нам антипатична.

Человек животное своевольное и жадное

Человек животное своевольное и жадное, которое пользуется своей мыслью, чтобы удовлетворять своим наклонностям, но которое не служит истине, которое имеет отвращение к личному исправлению, которое ненавидит беспристрастное созерцание и работу над самим собой. Мудрость раздражает его, потому что она приводит его в смущение и потому что он не хочет видеть себя таким, каков он есть.

Большая часть людей – хаос, и это положение им нравится

Большая часть людей – только запутанные мотки, неполная клавиатура, хаос, существа или всегда стоящие или всегда шумящие, и что делает их положение почти неизлечимым, это то, что это положение им нравится. Нельзя излечить больного, который считает себя здоровым...

Я испытываю с особенной силой, что человек есть только орудие кого-то высшего

5 апреля 1877 г. Освятить на минуту глубокую душу, сделать добро тем, которые несут, сострадая, тягость стольких сокрушенных сердцем и стольких страдающих жизнью, есть благословие, преимущество, цену которого я чувствую. Есть какое-то религиозное блаженство в том, чтобы подкреплять силу и мужество благородных характеров. Сам удивляешься, что обладаешь этой силой, которой не считаешь себя достойным, и хочется прилагать ее с сознанием ее значения. Я испытываю с особенной силой, что человек во всем том, что он делает или может делать прекрасного, великого и доброго, есть только орган и орудие чего-то или кого-то высшего его. Это чувство есть религия.

Человек религиозный с трепетом священной радости присутствует при совершающихся через него явлениях

Человек религиозный присутствует с трепетом священной радости при этих совершающихся через него, а не от него явлениях, которые происходят в нем. Он отдает им в распоряжение свой голос, свои руки, свою волю, свое содействие, стараясь почтительно стереться, для того, чтобы как можно меньше извратить высшее дело этого гения, который на время пользуется им для исполнения своего дела.

Человек
обезличивается,
уничтожается от
восхищения при
совершающихся
через него явлениях

Он обезличивается, он уничтожается от восхищения. Его «я» должно исчезнуть, когда говорить святой Дух, когда действует Бог. Так пророк слышит призыв, так молодая мать чувствует, как двигается плод в ее утробе, так проповедник смотрит, как текут слезы его слушателей. До тех пор, пока мы чувствуем свое «я», мы ограничены, эгоисты, пленники; когда мы в согласии с общей гармонией, когда мы вибрируем в унисон с Богом, наше «я» исчезает. Так в совершенно согласном хоре нужно фальшивить, чтобы услышать самого себя.

Состояние
религиозное – есть
сдержанный
энтузиазм

Состояние религиозное – это есть сдержанный энтузиазм, прочувствованное созерцание, спокойный экстаз. И как редко это состояние для несчастного существа, измученного долгом, необходимостью, злым светом, грехом, болезнью! Это есть состояние внутреннего счастья. Но основа существования, обычная ткань наших дней, есть деятельность, усилие, борьба, следовательно, диссонанс. Беспреданно возобновляющаяся битва с короткими и всегда непрочными перемириями – вот картина человеческого существования. Будем же приветствовать, как отзвук неба, как предвкушение лучшего устройства мира, эти краткие мгновения полного согласия, эти затишья между двумя бурями. Мир не химера, но есть только неустойчивое равновесие – случайное. *«Блаженны миротворцы – они сынами Божьими назовутся».*

Гордость есть
граница ума;
гордость
безграничная есть
признак мелкости
души

26 апреля 1877 г. Перелистывал «Париж» Виктора Гюго. В десять лет накопились изобличения во лжи пророка, но доверие пророка к тому, что он воображает, – не уменьшилось. Смирение и здравый смысл приличны только лилипутам. Виктор Гюго гордо не ведает всего того, чего он не предвидел. Он не знает, что гордость есть граница ума и что гордость безграничная есть признак мелкости души. Если б он ставил себя наряду с другими людьми, а Францию – с другими народами, он видел бы вернее и не впадал бы в свои безрассудные преувеличения и свои нелепые предсказания. Но соразмерность и верность не в его струнах.

Виктор Гюго обречен
титаническому

Он обречен титаническому. Его золото всегда смешано со свинцом, его созерцания – с ребячеством, его разум – с безумием. Он не может быть прост. Он освещает как бы пожаром, только ослепляя. Словом, он удивляет, но он раздражает, он волнует, но он оскорбляет. Он всегда наполовину или на две трети во лжи, это-то и есть секрет тягостного чувства, которое он постоянно заставляет испытывать.

Великий поэт
не может отделаться
от шарлатана,
который сидит в нем

Великий поэт не может отделаться от шарлатана, который сидит в нем. Можно назвать общественным бедствием Франции то, что самый могучий поэт ее не понял лучше своей роли и что противно тому делали европейские пророки, которые, любя свой народ, наказывали его, он систематически и вследствие своей гордости кадит своим согражданам. Франция – это мир; Париж – это Франция; Гюго – это Париж. Народы, падайте ниц!

Какая нация лучше
всех? Нет ни одной,
в которой бы зло не
составляло
противовес добра

2 мая 1877 г. Какая нация лучше всех? Нет ни одной, в которой бы зло не составляло противовеса добру. Каждая нация есть только карикатура человека, что и доказывает то, что ни одна не имеет тех качеств, вследствие которых она могла бы устранить все другие нации, то, что все они должны поучаться друг от друга. Я постоянно поражаюсь качествами и недостатками каждой из них... Моя точка зрения философская, то есть беспристрастная и не личная.

Что касается
национального
человека, я терплю,
изучаю его, но не
восхищаюсь им

Единственный тип, который мне нравится, это совершенство, человек, просто человек, человек идеальный. Что касается национального человека, я терплю, изучаю его, но я не восхищаюсь им. Я могу восхищаться только прекрасными образцами рода, великими людьми, гениями, характерами возвышенными, душами благородными, и эти образцы находятся во всех этнографических отделах. Мое отечество «по выбору» (выражаясь словами госпожи Сталь) состоит из избранных личностей. Я не чувствую никакого внутреннего пристрастия ни к французам, ни к немцам, ни к швейцарцам, ни к англичанам, ни к полякам, ни к итальянцам столько же, сколько к бразильцам или китайцам.

Иллюзия
патриотическая,
профессиональная
не существует для
меня

Иллюзия патриотическая, шовинистская, семейная, профессиональная не существует для меня. Напротив, я почувствую с большей живостью недостатки, пороки и несовершенства группы, к которой я принадлежу. Моя склонность – это видеть вещи такими, каковы они есть, отвлеченными от моей личности, освобожденными от всякого желания и всякой воли. Моя антипатия не к тому или этому, но к заблуждению, к предвзятости, к предрассудку, глупости, исключительности, преувеличению.

Поставить
низменное, темное,
туманное вместо
высокого и ясного –
это пари вопреки
здравому смыслу

4 июня 1877 г. Слушал «Ромео и Джульетту» Гектора Берлиоза. Сочинение озаглавлено: «Драматическая

симфония для оркестра с хорами). Исполнено было очень хорошо. Произведение интересное, тонкое, обработанное, любопытное, но оно не трогает. Обдумывая свое впечатление, я объясняю его себе так: подчинять человека вещам, присоединять голоса как добавление к оркестру – мысль ложная. Обращать драматическое положение в простой рассказ – это значит из более высокого делать ничтожное. Ромео и Джульетта, где нет ни Ромео, ни Джульетты, – вещь нелепая. Поставить низменное, темное, туманное вместо высокого и ясного – это пари вопреки здравому смыслу. Нарушается естественный порядок вещей, и нарушается небезнаказанно. Музыкант фабрикует ряд симфонических картин, без внутренней связи, представляющих нанизанные загадки, единственный ключ к которым есть текст в прозе, составляющей вместе с тем и единственную связь между этими картинами. Единственно понятный голос, который является в произведении, это отец Лоренцо; его проповедь не могла быть передана аккордами и поется отчетливо; но поучение драмы не есть драма и драма вся исчезла в речитативах.

Ложная
оригинальность,
ложное величие,
ложный гений!

Не будучи в состоянии достигнуть прекрасного, силятся дать новое. Ложная оригинальность, ложное величие, ложный гений! Это измученное искусство мне антипатично. Наука, которая хочет казаться гениальной, есть только разновидность шарлатанства. Берлиоз критик, блестящий умом, ученый музыкант, умный и изобретательный, но он хочет создать большее, не будучи в состоянии создать и малого. Тридцать лет тому назад в Берлине я получил то же самое впечатление, после того как прослушал «Детство Христа», исполненное под его же управлением. Я не нахожу у него здорового и производительного искусства, прочной и истинной красоты.

Я должен сказать, однако, что публика, довольно многочисленная в этот вечер, казалась очень довольной.

(Продолжение следует)

